

РЕЦЕНЗИИ, ДИСКУССИИ, МНЕНИЯ

Пашин С. С. *Перемышльская шляхта второй половины XIV—начала XVI века*. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. 172 с.

Изучение поведения человека внутри социально и территориально устойчивой микрогруппы, в среде людей равного социального статуса, в кругу близких и дальних родственников и соседей представляет собой исключительно актуальную задачу современной, антропологически ориентированной медиевистики; ее решение оказывается значимым не только для элитарного слоя интеллектуалов-историков, но и для широкой общественности. Стоит лишь вспомнить, какой резонанс вызвала книга французского медиевиста Ле Руа Ля Дюри «Монтайю», посвященная изучению жизни одной единственной деревни на протяжении довольно короткого периода времени. Фокусирование исследовательского интереса на поведении человека позволяет приблизиться к пониманию смысла общественных изменений, которые, в конечном счете, определяются тем, насколько человек прошлых эпох и культур способен был влиять на окружающий мир, насколько он мог быть автономным, независимым от неких надличностных сил (фортуны, судьбы, «объективных закономерностей»), насколько он мог действовать свободно, не будучи связанным с общественными «табу», проявляя собственную волю, осуществляя индивидуальный выбор как в экзистенциальных состояниях, так и в повседневной жизни. Монография С. С. Пашина оказывается как раз в ряду такого рода интеллектуальной рефлексии.

Актуальность и ценность его исследования кратно возрастает при оценке общей историографической ситуации в российской медиевистике: работ, посвященных различным аспектам социальной и частной жизни средневековья, насчитываются единицы, и появляться они стали только в последнее время, во многом благодаря энергии преждевременно ушедше-

го Ю. Л. Бессмертного; при этом историко-социальными исследованиями минимально охвачен регион Восточной Европы, а в области отечественной полонистики последняя обобщающая работа была издана вообще более двадцати лет назад, она принадлежит В. А. Якубскому. В этом контексте монография С. С. Пашина не просто восполняет возникший информационный вакуум в российской полонистике и славяноведении, но и сразу выводит автора на роль лидера в данной области знания.

Исключительность предпринятого С. С. Пашиним научного поиска придает историко-генеалогический ракурс его работы, предопределивший особый формат и особую конфигурацию выстраивания текста. До сих пор методы генеалогии неоправданно занимали периферийное положение в историческом познании; считалось, что они способны удовлетворять очень частным научным интересам, словно бы «молекулярного» или даже «атомарного» уровня (если отдельную личность воспринимать «социальной молекулой» или «социальным атомом»); считалось, что при колоссальной напряженности и затратности интеллектуального труда генеалогическое исследование не способно привести к созданию целостного нового знания, к появлению принципиально новой концепции прошлого. Только сейчас этот стереотип начинает меняться и, до известной степени, благодаря усилиям нашего автора.

Оказалось, что скрупулезное, методически последовательное отслеживание судеб отдельных личностей, одного поселения за другим, их взаимодействий с родственниками и соседями, сжатие исторического времени от процессов «большой протяженности» (в духе остающегося

модным Ф. Броделя) до процессов «краткой длительности», измеряющейся одной человеческой жизнью и поколением, способно дать гораздо больше в понимании смысла прошлых эпох, нежели выбор между существующими (всегда конкурирующими) умозрительными концептами прошлого.

В результате проведенного С. С. Пашиным историко-генеалогического исследования многие из до сих пор существовавших историографических конструктов судеб Червоной (Галицкой) Руси и Перемышльской земли XIV–XVI вв. оказываются пересмотренными, претерпевшими девальвацию своей теоретической значимости, а то и вовсе вытесненными в область историографических мифов.

Достаточно сказать о концепции колонизации Перемышльской земли в отечественной и зарубежной историографии, ведущей свое начало от И. Филевича; согласно ей, русское боярство якобы деградировало до статуса путных и холопов, утративших имя и, в конечном счете, бесследно исчезнувших для истории (как это похоже на расхожие в общественном сознании стереотипы о низкой культуре русских, отсутствии у них высоких стремлений, массовом пьянстве, склонности к бродяжничеству и пр.). Скрупулезное изыскание С. С. Пашина, напротив, показывает устойчивость русских православных родов, ведущих свое происхождение от галицко-вольнского боярства, сохранение ими существенного влияния в общественной и политической жизни региона.

Достаточно вспомнить еще один расхожий историографический стереотип — о недемократичности быта русского земледельческого общества в средние века, отличавшегося деспотизмом земельных собственников и унижительной сервильностью крестьянства; вследствие этой первородной ущербности русского социума якобы не могло возникнуть импульсов к позитивному, поступательному развитию общественных отношений; отсюда — большим благом для православного мира оказалось распространение польского и магдебургского права в русских землях. Атомарное масштабирование исследовательского дискурса С. С. Пашина, может быть, кажущееся иному читателю чересчур утомительным и отдаляющим от цели, позволяет убедиться в мифичности подобных историографических построений; в действительности, как показывает исследователь,

русскому земледельческому обществу были присущи соборность, коллективное решение важнейших вопросов его жизнеустройства, выборность должностных лиц и суда; привилегированное сословие не было кастово замкнутым, оно было открыто для пополнения из числа представителей низших сословий, выдвинувшихся на конной военной службе; примечательны данные, приведенные С. С. Пашиным, о нобилизации королевских слуг, конюхов, о происхождении отдельных шляхетских родов из кметов и даже кощеев, как в средневековой русской традиции называли рабов; еще более любопытны сведения о солтысской деятельности, связанной с кметской аграрной колонизацией, которая также могла приводить к возвышению социального статуса, в особенности если речь шла о создании новых укрепленных сел на границе с турками.

Равно как в свете нового исследования С. С. Пашина потребует радикальной ревизии концепция государственной собственности на землю и служебной организации землевладения в западнославянских землях XIV–XVI вв. В действительности, как показывают изученные медиевистом тысячи актов, фонд королевских земель в Перемышлье был довольно ограничен и быстро исчерпывался; основной массив земель по праву давности, равно уважаемому в любой культуре, составлял объект частной собственности родов и семейств и потому находился в непрерывном обороте, в бесконечной цепи отчуждений и приобретений в результате брачных союзов, завещаний и сделок купли-продажи; этот оборот недвижимой собственности, судя по исследованию С. С. Пашина, в ничтожной степени был связан с предоставлением или лишением должностей; те «должности», которые фиксируются в документах (многочисленные «подкоморин», «хорунжи», «стольники», «чашники», «каштеляны», «маршалки», «подскарбии» и т. п.), утратили в XV–XVI вв. прежний служебный смысл; они превратились в наследуемые почетные звания. Порой реальный образ жизни тех или иных титулованных лиц, который отразился в документах, разительно контрастировал с их званием.

Точно так же в контексте проведенного С. С. Пашиным изыскания требуют пересмотра и многие другие затвердевшие историографические догмы, как, например, представление о насильствен-

ном характере изъятия земель у русских землевладельцев в ходе захвата Червоно-русских земель Польшей в конце XIV–начале XV вв. (из тысяч актов, изученных соискателем, только один свидетельствует о подобной насильственной реквизиции); или, к примеру, суждение о полном окатоличивании русского населения в результате польской колонизации (в действительности, как показывает детализированное историко-генеалогическое исследование С. С. Пашина, наиболее влиятельные русские роды сохраняли православие вплоть до XVI в., а волохи, принявшие активное участие в польской колонизации, нередко делали выбор в пользу православия, а не католичества; православные духовенство и православные монастыри только при польских королях стали получать привилегии и наращивать свою земельную собственность); или, далее, возведенное в статус аксиомы (не требующей доказательства) мнение об антагонистичности отношений между поляками и русскими (в реальности, как блестяще демонстрируют тысячесерийные наблюдения С. С. Пашина, поляки и русские вступали в браки, в соседские отношения, смешивались, объединяли и разъединяли земельную собственность по личным мотивам, но не по конфессиональным или этническим).

Реальная действительность человеческой жизни в кругу семьи, близких и соседей, отразившаяся в монографии С. С. Пашина, оказалась более богатой и содержательной, нежели бытующие схемы прошлого, сформированные на основе изучения публично-правовых документов и официальной хронистики и, в силу этого, неизбежно идеализированные и упрощенные. Чего стоят только отмеченные соискателем далеко не единичные случаи отказа старших сыновей от наследства и выбора ими духовной стези, когда большинство историков пребывает в убеждении незыблемости основной нормы средневекового общества – майората.

Необходимо сразу подчеркнуть общую масштабность предпринятого С. С. Пашиным исследования: за более чем два десятка лет кропотливого ежедневного труда им изучены свыше 10 тысяч документов на латинском, средневековом польском, древнерусском языках; только 19-томная коллекция «Актов гродских и земских», подвергнутая соискателем тщательному просопографическому анализу, составляет

9386 страниц; «Кодекс Малопольской дипломатики» превышает 1500 страниц. Ученым выявлен внушительный историко-генеалогический фонд: более 500 родов (более 1500 персоналий); если попытаться картографировать расселение этих родов и семейств, то окажется охваченной почти вся Перемышльская земля. Это редкий, если не сказать – уникальный, пример сплошного (не выборочного, как обычно практикуется) исследования компактно размещенной социальной группы, которую автор скромно называет перемышльской шляхтой (в действительности, как убеждает проведенная нами экспертиза, выявленный ученым социум охватывает и высшую землевладельческую аристократию, и средние землевладельческие слои, и мелких землевладельцев в первом поколении, почти неотличимых от слуг, кметов, холопов и пр. низов, имевших русское, польское, немецкое, волошское, венгерское и др. и даже порой итальянское происхождение).

В результате исследования С. С. Пашиным создана целостная, убедительная и внутренне непротиворечивая концепция формирования перемышльской шляхты XIV–XVI вв., сложившейся в условиях полиэтнического и поликонфессионального общения.

Выводы и основные научные положения рецензируемой монографии представляются убедительными и тщательно обоснованными. Заслуживает признания, в частности, наблюдение С. С. Пашина о цезуре в развитии галицкого городского боярства, вызванной губительными междоусобными войнами и опустошительным нашествием татар, и о сохранении преемственности в среде поместного боярства. Именно последнее стало фактором возрождения боярства во второй половине XIII в., а затем и формирования шляхты, сложившейся уже на принципиально иной правовой основе – отчуждения земли. Ближайшим следствием стало появление частного земельного акта, основательной дипломатической критике которого соискатель уделяет особое внимание.

Бесспорным видится и вывод С. С. Пашина об устойчивости состава семейств, принадлежавших к состоятельным землевладельцам Перемышльской земли конца XIV–начала XVI вв., о сохранении заметных этнических и конфессиональных различий в среде шляхты, об известных возможностях вертикальной социальной динамики и пополнении низшего слоя шляхетства за

счет королевской службы, соответствующих пожалований и освоения пустующих земель.

Заслуживает признания и другое положение ученого – о сохранении влияния крупных родов землевладельческой знати русского происхождения, продолжавших играть заметную роль в общественной жизни Перемышльщины и после установления господства Польши; это влияние, как справедливо подчеркивает автор, определялось не этнической и религиозной принадлежностью, но многочисленностью и густонаселенностью подвластных сел, площадью недвижимой собственности, уровнем доходов и величиной уплачиваемых налогов в королевскую казну.

Основательно обосновано заключение С. С. Пашина о трех этапах в развитии шляхты Переворесского повета: 50-80-е гг. XIV в., когда еще продолжало существовать русское боярское землевладение; 80-е гг. XIV – 20-е гг. XV вв., когда Червоная Русь была присоединена к Польше, и малопольские роды стали утверждаться на ее территории в результате покупки земель у частных лиц, в результате мирной колонизации пустующих земель и вследствие королевских пожалований (последовательность распределения выявленных факторов соответствует дифференту их значимости); 20-е гг. XV – начало XVI вв., когда осуществлялась консолидация шляхты в масштабах всей Перемышльской земли.

Убедительно наблюдение автора об особенностях переворесской шляхты, ее большей социальной динамике в сравнении со шляхтой других административных районов Перемышля; здесь более заметными оказались сословные и этнические сдвиги: на смену мещанам и кметам немецкого происхождения пришли польские шляхетские семейства.

Убедительно и другое заключение ученого – о превращении к XVI в. всех переворесских шляхтичей в близких и дальних родственников, о приверженности их к родовым гнездам, меньшей подверженности миграциям, о их более высокой хозяйственной активности в освоении пустующих земель, в поощрении солтысской деятельности и кметской колонизации; и хотя богатство переворесской шляхты было много меньшим (владелец 2-3-х сел, подчеркивает исследователь, был в их среде богачом, ибо это были большие села), в политическом и общественном влиянии

в масштабе всей Перемышльщины она опережала другие территориальные шляхетские группы.

Столь же обоснованно выглядят выводы С. С. Пашина о судьбах землевладельческих родов Перемышльского повета; автором выделяются три волны переселения из Малой Польши, которые соответствуют трем последовательно сменявшимся поколениям. Уже в ходе первой и второй волн был исчерпан фонд королевских земель и исчерпаны возможности внутренней колонизации пустовавших земель; в ходе третьей волны обоснование на территории повета осуществлялось исключительно на основе купли-продажи земли. Исследователем отмечается сохранение православных традиций у русских родов вплоть до XVI в.; в бассейне рек Радымны и Сана более 1/5 родов имели русские корни, некоторые из них оставались верными православия и в XVI в.; в бассейне реки Вьяра почти 1/3 родов была русского происхождения, она не выделялась знатностью и богатством (в среднем род владел по селу в 2-3 лана), но при этом оставалась достаточно самостоятельной и устойчивой, не склонной к оставлению родовых гнезд; характерно, что к XVI в. доля русских родов в общей массе шляхты бассейна реки Вьяра составила 1/2, из них половина оставалась православной, половина приняла католичество; в бассейне реки Вишни более 1/3 родов имели русское происхождение; в абсолютном большинстве это были мелкие собственники, имевшие лишь по одному селу.

Особенностью этого повета, как совершенно справедливо подчеркивает автор, было отсутствие развитого боярского землевладения в предшествующий период, преобладание мелких собственников, происходивших из слуг, конюхов, стрельцов (конных лучников) и пр. низов; другой особенностью, также отчетливо отразившейся в частных актах, было состояние комбаттации местного землевладельческого сообщества с татарами и турками (примечательны факты о гибели тех или иных лиц в походе против турок, от набегов татар, о залоге земель для выкупа из турецкого или татарского плена и т.п.); наконец, шляхта Перемышльского повета, несмотря на численное превосходство над шляхтой прочих административных районов, уступала в экономической мощи и в социально-политическом влиянии переворесской шляхте, довольствуясь занятием

должностей лишь в низших земских урядах.

Итоговые выводы монографии С. С. Пашина столь же надежны и обоснованы всем извлеченным им колоссальным историко-генеалогическим материалом. До введения польского права, по надежным данным соискателя, на территории будущей Перемышльской земли проживало не более 25 боярских родов; в северных и южных районах боярские вотчины отсутствовали вовсе. Землевладельческие права русского боярства не оспаривались польской шляхтой и были узаконены Казимиром Великим. Польская колонизация, по данным С. С. Пашина, охватила территорию Перемышльщины неравномерно и с различной степенью глубины, порой польская шляхта не задерживалась на этих землях и искала более счастливой судьбы в иных местах. Многочисленные частно-правовые акты говорят о начале польской колонизации при Владиславе Опольском и в период прямого Венгерского правления. Масштаб колонизации, ее поддержка государственной властью явно преувеличивались в историографии. Данные историко-генеалогического исследования С. С. Пашина свидетельствуют лишь о 15 случаях королевских пожалований выходцам из Польши, Венгрии, Силезии. Первая волна колонистов из Малой Польши появилась лишь в конце XIV–начале XV веков, и она определила социальный облик шляхты лишь в Перевореском и Перемышльском поветах, где землевладельческая знать русского происхождения оказалась в меньшинстве. Совершенно иначе, отмечает С. С. Пашин, развивалась ситуация в прочих поветах. Там преобладала не польская, а волошская колонизация, и она натолкнулась на устойчивость социальной структуры русских служебных сел, в результате чего волошские землевладельцы подверглись обрусению и крещению в православие. Формирование Перемышльской шляхты завершилось, по убедительному заключению С. С. Пашина, к 30-м гг. XV в. В целом, несмотря на сдвиги положительной демографической динамики в конце XIV–первой половине XV в. и отрицательной динамики во второй половине XV–первой половине XVI вв., исследователем констатируется социальная стагнация в Перемышльской земле. Каждый из шляхтичей в среднем владел 50 кметами, что позволяло получать средние доходы

и располагать средним материальным благосостоянием.

Наряду с этими бесспорными положениями монографии С. С. Пашина, могут быть отмечены не столь неоспоримые суждения, дающие повод к дискуссии.

Прежде всего, это касается оценки роста переворесской шляхты в 1,5 раза. По мнению автора, этот прирост может быть оценен как весьма умеренный; по видимому, демографическое прогнозирование (его, кстати, нет в книге) могло предполагать совсем иной итог. Причины такого умеренного прироста он видит в гибели части шляхтичей в войнах с турками, в возрастании доли бездетных и малодетных семей в «поколении сыновей борцов за введение польского права». Но, между прочим, часть шляхтичей вообще не создавала семей; здесь мы бы обратили внимание на данные самого автора об отказе старших сыновей от наследства и посвящении себя церкви. Здесь мы имеем дело с одним из архетипов демографического поведения, которое призвано поддерживать социум на одном уровне, дабы не допустить увеличения родовой группы, дробления родовой собственности и соответственно понижения жизненного стандарта.

Далее, это суждение автора о военном факторе, оказывавшем влияние на уменьшение родов части шляхты; в одних случаях имеются прямые свидетельства о потерях шляхетских родов от набегов татар и турок (например, население бассейна реки Вишни), в других случаях встречаются косвенные свидетельства о подобных явлениях (в целом, по шляхте Перемышльского повета), в иных случаях автор подчеркивает отсутствие подобных свидетельств. Военный фактор оказывает, согласно историко-демографической теории, двоякое влияние на демографические процессы: с одной стороны, он ведет к увеличению смертности, прежде всего несчастливой (порой историки-демографы говорят даже о сюрсмертности), но с другой стороны, провоцирует репродуктивную активность той части мужского населения, которая отправляется на войну, вследствие чего обычно наблюдается всплеск числа рождений в военные годы; в этом также проявляется один из архетипов демографического поведения, заданный на выживание популяции в неблагоприятных внешних условиях. К тому же набеги татар и турок были постоянным явлением всего изучаемого периода, они в не меньшей степени

были негативны по своим последствиям и в конце XIV в., и в начале XVI в., поэтому объяснять ими сокращение шляхетства не представляется возможным.

Вообще вопрос о причинах сокращения шляхты Перемышльского повета и некоторых других территорий Перемышльщины, впервые поставленный автором, требует более системного подхода, учитывающего тенденции экономического и социального развития всей Восточной Европы. Исследователь отмечает среди факторов, предопределивших эту тенденцию, – падение естественного прироста, исчезновение 30 шляхетских родов, из которых 15 родов извелись, а 10 родов, по репродуктивным показателям, отразившимся в источниках, имели шансы выжить, однако перестали фигурировать в процессах оборота недвижимости; ученым предполагается возможность миграции этих родов на Восток, но подтвердить или опровергнуть это предположение может лишь новое историко-генеалогическое исследование смежных, восточных территорий Украины. Возможно, на сокращении шляхетства сказались общие тенденции ухудшения социально-экономической ситуации со второй половины XIV в. в Европе и в Восточной Европе в том числе (ср. работы: А. Дюсселье, Б. Кедар и многих др.).

Требует дополнения и вопрос о критериях принадлежности к шляхте, затронутый С. С. Пашиным. Он подчеркивает, что среди таковых выделялись – во-первых, королевское пожалование и, во-вторых, происхождение от шляхетских предков. Это, конечно, так. Но, на наш взгляд, в принадлежности того или иного рода к шляхетству имели значение реальный стиль поведения главы семейства, его общественное признание и закрепление в последующих поколениях, стиль поведения, отличавшийся «благородством», не связанный с «подлыми службами»; общественное признание представителя такого рода выражалось в избраниях на должности, в приглашениях участвовать в сеймах и в посполитом рушении.

Бобров И. В., Галкин В. Т., Дрябина Л. А., Еманов А. Г., Кондратьев С. В. История мировых цивилизаций: Учеб.-метод. комплекс: В 2-х ч. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001.

Учебно-методический комплекс коллектива авторов во главе с профессором А. Г. Емановым по «Истории мировых цивилизаций» актуален в виду недостаточности

качества монографического исследования С. С. Пашина, кажется, не оставляет шансов для акцентирования недостатков. Здесь остается лишь говорить о некоторых нереализованных потенциях.

Прежде всего, работа такого характера, где привлекаются массовые источники, тысячи частных актов, отличающиеся стереотипностью информации, можно было бы шире привлекать методы формализованного количественного анализа, включая графические. Кроме того, в монографии, где одним из принципов структурирования изложения избран географический, освещающий родословия в территориальном распределении, генеалогические схемы должны дополняться географическими планами. Далее, в книге купированными оказались историко-демографические методы; между тем извлеченный исследователем колоссальный материал по родословиям Перемышльской земли за значительный период – XIV–XVI вв. – способен дать гораздо более широкую систему выводов по исторической демографии региона, начиная от численности населения, его средней продолжительности жизни, уровня брачности, продуктивного периода, до установления демографических волн, построения половозрастных пирамид и пр. Наконец, монографии явно не достаёт индексов персоналий и топонимов.

В целом, высказанные нами полемические суждения и замечания не меняют общего самого благоприятного впечатления о монографии С.С.Пашина; в ней впервые представлена еще одна модель развития русских земель в послемонгольскую эпоху, отличавшегося как от судеб русского общества, оказавшегося под властью татар, так и от судеб русских, вошедших в состав Литвы.

Можно не сомневаться, что книге С.С.Пашина суждена широкая известность и высокая цитируемость; к ней часто будут обращаться многие поколения исследователей средневековой Восточной Европы.

А. Г. Еманов

сти учебной литературы подобного типа. Существующие учебники Ю. В. Яковца (История цивилизаций. М.: ВладДар, 1995; 1997) и Л. А. Моисеевой (История